

Примечания

¹ Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и сленге. Глагол: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Р. И. Розина. М., 2004.

² Там же. С. 23.

³ См.: Сиротинина О. Б. Пути развития литературного русского языка в их соотношении с типами речевой культуры / О. Б. Сиротинина // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы III междунар. конгресса исследователей рус. яз. М., 2004; Она же.

Хорошая речь: савити в представлении о ее эталоне / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. М., 2003. № 2.

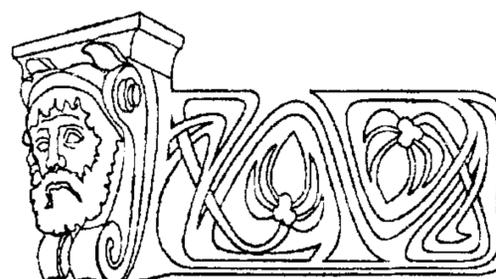
⁴ См.: Сиротинина О. Б. Хорошая речь: савити в представлении о ее эталоне / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. М., 2003. № 2; Гольдин В. Е. Русский язык и культура речи / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина, М. А. Ягубова. М., 2003; Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып. 2.

УДК 808.2-085

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

М. А. Кормилицына

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: margarita@info.sgu.ru

В статье рассматриваются синтаксические и текстовые инновации в языке современной прессы. Отмечается, что в результате смены коммуникативной парадигмы русского речевого общения, приведшей к стиранию границ между официальным и неофициальным, устным и письменным общением, в прессе активизировались все конструкции разговорного синтаксиса, а также способы и приемы экономии речевых средств, характерные для неофициальной сферы общения, увеличилась доля «чужого слова», контактоустанавливающих средств, возникли новые жанры (слухи, молва).

Analyses innovative processes on syntactical and text level in modern press

М. А. Kormilicina

The article analyses innovative processes on syntactical and text level in modern press. The strategy of being close to the addressee leads to the blending of formal and informal styles, written and spoken means of communication, and makes the text more colloquial in style. It manifests itself in essentially monologue texts acquiring dialogue qualities, in the use of numerous colloquial economical means of conveying information, in active use of various phatic means of communication, in the increasing presence of the «voice of another», and in the appearance of informal speech genres (rumours, hearsay, etc.) in the press.

Общественно-политические изменения, которые произошли в России в конце XX века, не могли не коснуться такого существенного для жизни общества аспекта, как речевое взаимодействие людей. Говорят даже об изменении коммуникативной парадигмы речевого общения. «На смену монологической коммуникативной парадигме тоталитарного общества («один говорит, все слушают и выполняют») пришла диалогическая

парадигма плюралистического общества»¹. Этот процесс не мог не отразиться на языке СМИ, в том числе и современной прессы, и обусловил коммуникативную свободу журналистов, которая проявляется в обилии инноваций, предпочтении нестандартных форм выражения мысли, в расширении нормативных границ языка, а иногда и сознательном нарушении языковых норм.

Исследователями публицистики, в том числе и языка прессы, достаточно полно исследованы разнообразные лексические инновации, приводящие к изменениям в лексических значениях². Менее изучены грамматические инновации (да их и значительно меньше), в которых говорящим (автором) преодолевается грамматический стандарт, что обогащает высказывания стилистическими и семантическими эффектами разного рода. «Результатом этих «операций» становится языковая игра, языковая рефлексия, языковой эксперимент и языковая метафора»³.

Объектом нашего внимания являются синтаксические и текстовые инновации, к которым мы относим:

- активизацию всех конструкций разговорного синтаксиса, а также способов и приемов экономии речевых средств, характерных для неофициальной, разговорно-бытовой сферы общения,

- необычную с точки зрения законов языка сочетаемость слов,
- диалогизацию монологического текста,
- увеличение за счет диалогизации доли вопросительных предложений, выполняющих важные коммуникативно-прагматические функции,
- широкое использование для усиления экспрессивности текста парцеллированных конструкций,
- активное употребление контактоустанавливающих средств как результат реализации стратегии близости к адресату,
- увеличение доли «чужого слова» и разнообразие приемов его введения,
- игру с прецедентными высказываниями и текстами,
- метафоризацию как принцип построения целого текста,
- усиление за счет двух вышеназванных процессов интертекстуальности публикаций,
- возникновение новых жанров (слухи, молва) и значительные изменения ранее существовавших жанров.

Следует отметить, что число инноваций возрастает в тех газетных жанрах, суть которых заключается в оценке общественных процессов, в открытом выражении авторских позиций. Это аналитические статьи, интервью, политические портреты, часто организуемые в прессе круглые столы, клубы и др. Основная коммуникативная цель их авторов – представить массовому читателю своё видение и оценку проблемы и при этом убедить в справедливости авторского мнения, максимально воздействуя на интеллект и эмоции адресата. Инновации поэтому особенно активно используются в тех фрагментах текста, где актуализируется, «материализуется» фигура говорящего (автора).

Одним из важнейших факторов, обусловивших активность многих синтаксических и текстовых инноваций, является новая генеральная стратегия СМИ – стратегия близости к адресату, которая способствует размыванию границ между неофициальным, межличностным и официальным, публичным, между устным и письменным общением. «Читатель стал ближе, СМИ подошли к читателю на более близкое расстояние в том смысле, в каком в бытовой повседневности

мы ближе к собеседнику, чем в официальной обстановке, где мы отделены в общении друг от друга нейтральным расстоянием»⁴.

Язык современной прессы в целом становится более разговорным. Он приобретает значительное число устных черт, использует приемы, характерные преимущественно для разговорной речи. Но письменный текст в газете тщательно продумывается автором, он не может быть спонтанным, персонально адресованным, как разговорная речь. Поэтому разговорность в прессе – это риторическая категория, которая помогает журналисту максимально эффективно реализовать стратегию близости и тем самым успешнее воздействовать на читателя. С ее помощью создается впечатление живого устного межличностного общения, имеющего место в обиходной сфере коммуникации⁵. Пользоваться средствами выражения этой категории следует весьма осторожно, соблюдая меру, так как перенасыщение текста чисто разговорными построениями может привести к обратному эффекту: читать и понимать такой текст становится трудно.

В монологических текстах аналитических статей применяются те приемы текстообразования, которые характерны для разговорной диалогической речи. Многие тексты аналитических публикаций в современной прессе (именно они послужили материалом для наших наблюдений) строятся как доверительный разговор с читателем со всеми присущими диалогу конструктивными особенностями, способствуя интимизации публичного общения. Диалогизация становится особым стилистическим приемом построения публицистического текста, реализуя «презумпцию коммуникативного равенства адресанта и адресата»⁶.

Впечатление живой непосредственной беседы, совместного обсуждения важных проблем создается выбранным авторами типом общения. Это, как правило, *мы-общение*, при котором адресат представляется единомышленником автора, разделяющим его позиции, вместе с ним полемизирующим с воображаемыми или реальными оппонентами: *Мы живем в созданной нами виртуальной экономике; Мы бы сумели резко сократить налоговое обложение труда...; От передовых стран мы отставали не только по про-*

изводительности, но в еще большей степени по доле зарплаты в «цене» производительности (Лит. газ. (ЛГ) 2004. № 34); *Все мы помним ленинское «мы пойдем другим путем» – Александр Ульянов ошибся, избрав индивидуальный террор* (Рос. газ. (РГ) от 27.04.2004).

При этом активно используются основные единицы диалогической речи – вопросно-ответные единства, многочисленные вопросы, обращенные автором и к читателю-«соумышленнику», и к воображаемому оппоненту, и к самому себе, а также риторические вопросы. Все эти средства автор отбирает сознательно для усиления экспрессивности текста, его выразительности, тем самым обеспечивая эффективность воздействия на читателя.

Чаще всего в вопросно-ответных единствах авторский вопрос выполняет эмоционально-оценочную функцию, передает отношение (как правило, негативное) к тем или иным общественно-политическим событиям: *У нас есть сегодня даровитые деятели крупного калибра в рядах правых? А левых? А среди губернаторов? А среди промышленников и предпринимателей? Вот такое у нас положение на кадровом фронте* (ЛГ 2001. №6); *Но разве кто-то возмущился? Разве кто-то удивился? Разве кто-то сказал: «Да гнать надо поганой метлой такого министра»? Нет. Посмотрели на него, как дети, разинув рты...* (Моск. комсомолец (МК) от 08.05.2004).

Кроме вопроса-оценки, начинать диалогическое единство могут вопросы-размышления, как будто обращенные автором к самому себе, а на самом деле направленные на активизацию аналитической деятельности читателя. Автор фактически предлагает адресату поразмышлять вместе с ним над обсуждаемой проблемой: *Чем в трудное для народа время озабочена власть? Бесконечными реформами; Какими делами заслужили они высокие посты?* (ЛГ 2004. № 334); *Допустим, что напишут про суды. Сделают закон юридически чистым. Проголосуют. Но вот как будет работать?* (Изв. от 09.09.2004).

Часто вопросно-ответные единства в публицистическом тексте трансформируются автором – употребляются в редуцированном виде: отсутствует инициальная реплика, да-

ется только реакция автора, и начинается она простейшей конструкцией согласия/несогласия «Да», «Нет». Такие вопросно-ответные единства встречаются в полемических фрагментах текста. Это конструкции скрытой полемики. Слова другой стороны не воспроизводятся, они только подразумеваются: *Да, мы к демократии не готовы* (МК от 06.09.2004); *Нет, другого пути у страны не было* (ЛГ 2001. № 41). Эти конструкции могут использоваться для выражения возражения под видом согласия, смягчающего категоричность оценок журналиста: *Да, у нас гремят взрывы, и терроризм ставит свои черные рекорды. Но, согласитесь, только массированным финансированием эти проблемы не решить. Надо менять своё отношение к национальной безопасности* (Изв. 2004. № 196).

Особую роль в реализации стратегии близости к адресату играют многочисленные риторические вопросы. Они, с одной стороны, используются автором для придания своим аргументам большей убеждающей силы, для более эффективного воздействия на читателя, с другой – вовлекают читателя в обсуждение проблемы, заставляя и его задуматься, а чаще возмутиться положением дел в стране вместе с автором, помогают убедить читателя в нелепости некоторых положений, предлагаемых оппонентами автора: *Он что, царь, чтоб устраивать свадьбу в государственном заповеднике?* (МК от 08.05.2004); *Да как мы можем «безнадежно отстать», если у нас кадры, которые нарасхват в ведущих западных лабораториях?* (ЛГ 2001. № 39). Как видно из примеров, риторические вопросы – это фактически авторские оценки, которые чаще всего встречаются после передачи чужой сомнительной информации или чужого мнения, а также после какого-то суждения, опровергаемого или поддерживаемого автором.

Все описанные нами вопросительные конструкции обычно встречаются в текстах, отличающихся напряженной экспрессивно-эмоциональной тональностью. Они помещаются автором в те фрагменты, которые содержат наиболее важную информацию, что подчеркивает риторичность этого приема. Основная их функция не просто запрос информации со стороны автора, а побуждение

адресата к активной реакции на эту информацию. В целом возросшее в публикациях число вопросительных предложений, не только входящих в диалогические единства, но и занимающих самостоятельную позицию и выполняющих самые разные прагматические функции в тексте, можно считать синтаксической инновацией.

Диалогичность (скорее даже полилогичность) проявляется и в часто организуемой в прессе в рамках монологического текста полемике, когда автор сопоставляет несколько различных точек зрения на обсуждаемую проблему, используя самые разные способы введения в текст «чужих» слов⁷: *После бесланской катастрофы... в эфирных и газетных спорах было много сказано о том, кто виноват, что нам теперь делать, и даже про то, что делать с теми, кто виноват. В основном упрекали власть в слабости... Речь вели больше о практических вопросах: усилить, уговорить, ужесточить, уплатить, уничтожить. Если же речь заходила о духовном аспекте, то почти все говорили одно и то же: народ должен* (ЛГ 2004. № 37).

Вообще можно сказать, что чужая речь в монологическом тексте – это одна из разновидностей «совместного речепроизводства»⁸. Характерно, что журналисты активно пользуются многими приемами введения чужой речи, свойственными неофициальной устной спонтанной коммуникации, разговорному общению. Это, к примеру, так называемая «смешанная» форма, при которой используются конструкции косвенной речи при сохранении модально-временного плана чужого высказывания; редуцированные до одного конкретного имени источника информации авторизующие конструкции; частицы-показатели чужой речи «мол», «де», «дескать»: *По Немцову, олигархи и сами ждут не дождутся такого предложения* (ЛГ 2000. № 17); *Вы замечали, как по поводу чужих праздников наше телевидение обычно захлебывается от щенячьего восторга? Ах, день благодарения, ах, хэллоуин, ах, двухсотпятнадцатая годовщина Великой французской революции!* (ЛГ 2004. № 37); *Надо развеять стародавний стереотип, что мы, дескать, плохо живем потому, что плохо работаем* (ЛГ 2004. № 34).

Одной из разновидностей чужой речи являются прецедентные высказывания. Следует отметить, что на сам отбор таких феноменов оказывает влияние риторическая категория разговорности. В текстах современной прессы все чаще появляются широко употребительные в неофициальном межличностном общении так называемые «квазипрецедентные» феномены, представляющие собой слова или строчки из высказываний популярных политических деятелей, известных песен, кинофильмов, анекдотов, расхожих пословиц и поговорок, рекламы. Они известны и понятны, как правило, любому читателю, создают иллюзию близости позиций автора и читателя, подчеркивают, что автор входит «в общий круг» с читателем: *Мы всегда опаздывали в проявлении своих чувств. Или были задним умом крепки* (ЛГ 2005. № 9); *Причем конфронтация не на привычном уровне политболтунов, пиар-кампаний и прочих игр «милые бранятся – только тешатся»* (РГ 2004. № 265); *Это деятель более крутой... Короче, как поется в песенке, «настоящий мужчина, настоящий полковник»* (ЛГ 2000. №32/33).

Прием диалогизации монологического текста предопределил использование в публикациях многочисленных и довольно разнообразных контактоустанавливающих средств. Среди них самыми частотными являются специальные средства прямого установления с читателем обратной связи путем апелляции к его интеллекту, эмоциям. Вот примеры таких контактоустанавливающих конструкций только из одной аналитической статьи Ю. Полякова «Государственная недостаточность» в «Литературной газете»: *Давайте вспомним, что нам показывало телевидение в промежутках между жуткими сообщениями о «бесланности» и его последствиях!; Согласитесь, странное стремление...; Понимаете: нас учат смотреть на свое как на чужое!; Обратите внимание: большинство руководителей каналов и телеобозревателей – это выдвигенцы конца 80-х и начала 90-х; Вы замечали, как по поводу чужих праздников наше телевидение обычно захлебывается от щенячьего восторга?* (ЛГ 2004. № 37).

Средствами внутренней диалогизации текста являются частотные в современной прессе вводные конструкции со значением

категорической или проблематичной достоверности. С помощью этих средств автор устанавливает контакт с адресатом, сигнализируя ему, что он берет на себя ответственность за достоверность информации, за ее соответствие действительности (категорическая достоверность) или снимает с себя эту ответственность в случае передачи непроверенной информации (проблематичная достоверность), оправдываясь за включение в текст нефактической, недостаточно проверенной или недостаточно точно передаваемой информации⁹. Широкое включение в публицистический текст вводных конструкций стало возможным в связи с отмечаемым всеми исследователями современного состояния русской речи процессом усиления в прессе личностного начала: *Может, это начинающий судья и ему надо помочь. А может – безответственный, слабо подготовленный...* (РГ 2004. № 282); *Здесь у янки, конечно, накопилась куча вопросов к Путину; Возможно, в Москве президентская любовь определяет все или почти все* (МК от 23.02.2005).

Еще одним инновационным процессом, развивающимся под влиянием разговорной сферы общения, размывающим границы между официальным и неофициальным общением, является использование журналистами многочисленных и разнообразных приемов синтаксической компрессии, характерных и первичных именно для этих типов общения. Благодаря тому, что стяженные (конденсированные) конструкции – «это средства, обладающие возможностями экспрессивного и наглядного воздействия и в то же время лаконичные и экономные»¹⁰, они так употребительны в современной прессе. Такие конструкции позволяют устранять коммуникативно избыточные компоненты при полном сохранении семантико-синтаксического значения единицы.

Примером конденсированных конструкций могут, например, служить конструкции, представляющие собой стяжение предикативной единицы в атрибутивное словосочетание. Эти экономные конструкции к тому же создают непривычные, экспрессивные, часто метафорические высказывания, усиливающие воздействие на читателя: *Я думаю, что в сегодняшнее пасмурное, холодное, чер-*

ствое время наиболее глубоко чувствуется, как недостает этой сокровенности... (ЛГ 2003. № 39); *Нет более терпимого, более всепрощающего народа, чем русский, чем те, кого наши либералы называют... «неадаптированной массой»* (ЛГ 2004. № 6). Приведем еще несколько примеров подобных экономных конструкций: *властная поддержка криминальных структур; непредвзятые граждане; ключевые игроки в «распродажу империи»; бессовестное рассовывание по карманам лакомых кусочков государственного пирога; за счет русских денег; энергичные элитные люди, прорабо-перестроечная общественность, затравленное недоумение, линчующее негодование, перестроечное общество* и др. (ЛГ 2004. № 6).

В современной прессе появляются новые жанры, которые всегда считались жанрами неофициальной речи и не допускались в газетные тексты. Речь идет прежде всего о жанре «слухи». В целом ряде газет появились регулярные рубрики «Слухи, сенсации», и даже в таких серьезных изданиях, как «Известия», «Российская газета», «Литературная газета» время от времени появляются подобные публикации. Может быть, именно поэтому степень доверия к публикуемым слухам увеличилась. Когда в руки журналиста попадает интересная, порой сенсационная, но непроверенная информация, которую очень хочется опубликовать, он оформляет ее как жанр слухов. Газеты приняли на себя функцию продуцирования слухов, превратились фактически в орган, фабрикующий определенные слухи, распространяющий и культивирующий их. «Характер вида массовой коммуникации приобрели «закулисные» разговоры, распространяющие правдивые и злостные слухи и сплетни, отнюдь не только в шутку их принимают за законный вид массовой коммуникации, даже за один из самых оперативных и действенных каналов массового распространения информации»¹¹. Номинации *слухи, сплетни, молва*, модное словечко *слухмейкеры* помещаются в субъектную позицию авторизирующих конструкций, предназначенную для точного указания на источник информации. В «Московском комсомольце» в рубрике «Рейтинг слухов» вся информация предваряется авторизирующими конструкциями типа: *Слухмейкеры утвер-*

ждает...; Такая сумма, как судачат слухмейкеры, потребуется для того, чтобы...; Другие слухи гласят... (МК 2002. № 28). И в популярной газете «Аргументы и факты» открыли подобную рубрику. Все сообщения здесь строятся по единой схеме: запрос информации – ответ-комментарий. В качестве авторизирующей используется стереотипная конструкция неопределенно-личного односоставного предложения *говорят*, типичная в бытовой речи конструкция, используемая для передачи всяческих сплетен: *Говорят, что на черном рынке за тысячу долларов продается полная информация об операциях всех российских банков за прошлый год, судя по всему, похищенная из Центробанка. Комментарий «АиФ»: Банк России информацию не подтверждает, но и не опровергает...* (АиФ 2005. № 14).

Не всегда читателю так открыто дают понять, что передаваемая информация является недостоверной, непроверенной. Чаще в газете слухи подаются в косвенной форме. Для этого используются авторизирующие конструкции, которые должны создать эффект фактологичности, документализма и, в конечном счете, убедить читателя в достоверности передаваемых сведений. В то же время, как это ни парадоксально, авторизирующие конструкции в прессе становятся одним из активных средств дезавторизации сообщения. Хотя они предназначены для информирования читателя об источнике и способе получения информации (адресат в случае недоверия к сообщению мог бы его проверить), журналисты используют их для того, чтобы фактически не называть точно автора чужой информации или оценки и в то же время сохранить видимость максимальной достоверности информации.

Эффект дезавторизации достигается путем использования двусоставной предикативной единицы (как самостоятельной, так и в составе сложноподчиненного предложения), в которой позицию субъекта занимают слова обобщенной или неопределенной семантики. Чаще всего это номинации некоей общности лиц, в которую входит и автор сообщения. Такой прием позволяет журналисту уйти от личной ответственности за достоверность непроверенной информации. «Коллективность» мнения приводит к «вытеснению

конкретной информации, царит неопределенность, явления мультиплицируются...»¹². Так характеризует Т. М. Николаева модель обывательской коммуникации. Но эта модель активно работает и в современной газете.

Вот, например, как «неопределенно-обобщенно» (как и положено в слухах) может быть выражен субъект авторизирующих конструкций: *Но многие люди, знающие Путина, уверены, что у него нет стремления бесконечно долго оставаться на капитанском мостике. Мол, заявления ВВП о его верности Конституции делаются вовсе не для красного словца; Некоторые эксперты считают, впрочем, что формальные преобразования политической системы мало влияют на суть российского режима. Мол, назови его хоть халифатом или конституционной монархией, править будут все равно те же люди, что и сейчас, – питерские* (МК от 15.03.2005). С помощью подобных номинаций автор сообщения, с одной стороны, уходит от ответственности за ее достоверность (попробуй ее проверить!), а с другой – подчеркивает, что все сказанное является неким обобщенным мнением. Акцентирует недостоверность информации словечко *мол*, типичное для слухов.

Используемые в субъектной позиции двусоставной структуры обобщенные номинации лица: *люди, компетентные источники, представители* и некоторые другие – выполняют ту же функцию дезавторизации: (чем эти номинации по точности отличаются от слухмейкеров?): *Но, судя по откликам верхушки «Единой России», с которой консультировался Президент «перед разглашением тайны», в нижней палате все пройдет гладко* (РГ 2004. № 41); *Люди судят о ней (коррупции) по тем редким случаям, когда чиновника средней руки удается взять с личным, пометив купюры, принесенные в конвертике* (Там же). Порой в субъектной позиции появляются яркие, экспрессивные номинации лиц, являющихся источником информации. Правда, эта выразительность ничуть не уменьшает неопределенность: *«Добрые молодцы» из числа либералов...пишут воззвания примерно такого содержания. Мол, хватит либералам брать пример с Нины Андреевой* (Изв. 2005. № 26). Усиливают неопределенность субъекта ме-

стоименные определители с той же семантикой: *Один политик заявил коммунистам после импичмента: «Ваше счастье, что вы недобрали нужное количество голосов»...* (ЛГ 2002. № 10); *Многие из ельцинского правительства говорили о своей стране с таким хладнокровием...* (ЛГ 2001. № 28). Эффект дезавторизации возникает в результате использования в субъектной позиции отрицательного местоимения *никто*. Эти конструкции ничего не говорят читателю об источнике передаваемой информации. С помощью приема гиперболизации создается «мультиплицированное пустое множество» субъектов (термин Т. М. Николаевой), которое обеспечивает впечатление всеобщности высказываемого мнения: *Тогда никто не сомневался: Степанайтес и Черняев – убийцы* (РГ 2004. № 26).

С этой же целью журналисты используют в качестве авторизирующих структуры односоставных неопределенно-личных предложений, в которых отсутствует позиция субъекта, что позволяет добиваться максимальной неопределенности источника информации. Часто такие конструкции встречаются в заголовках публикаций, выполняя функцию привлечения внимания читателей именно своей неопределенностью, недоговоренностью: *Гусинского, Невзлину и Гайдамака подозревают в отмывании денег; Прокурору Мособласти указали на неполное служебное соответствие* (Изв. 2005. № 38).

В авторизирующих конструкциях основной глагольный предикат может пассивизироваться. Возникает конструкция безличного односоставного предложения: *Мировой экономической наукой доказано, что эффективно частная собственность работает, только когда есть конкуренция* (МК от 26.11.2003). Дезавторизация усиливается в данном высказывании использованием в субъектной позиции метонимической номинации *мировая экономическая наука*. Эту же цель реализуют специальные конструкции-клише *есть мнение, речь идет и др.: Есть такое мнение в политической тусовке, будто Дмитрию Rogozину намекнули наверху: если хочешь набрать очки у трудящихся, предъяви ультиматум и объяви голодовку* (Изв. 2005. № 26).

В целом, наши наблюдения над некоторыми наиболее яркими синтаксическими и текстовыми инновациями в прессе позволяют сделать вывод о том, что в языке современной прессы под влиянием смены коммуникативной парадигмы речевого общения происходят серьезные изменения, обусловленные радикальными общественными переменами в жизни России.

Примечания

¹ Стернин И. А. Социальные факторы и публицистический дискурс / И. А. Стернин // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. М., 2003. С. 104.

² См.: Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. М., 1971. 267 с.; *Он же*. Наш язык в действии / В. Г. Костомаров. М., 2005. 287 с.; Стернин И. А. Указ. соч. С. 91–108; Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 32–66; Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 142–161 и др.

³ Ремчукова Е. Н. Способы преодоления грамматического стандарта в разных типах русской речи / Е. Н. Ремчукова // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2002. С. 94.

⁴ Коньков В. И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития / В. И. Коньков, А. Н. Потсар, С. И. Сметанина // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004. С. 69.

⁵ См.: Сиротинина О. Б. Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи / О. Б. Сиротинина // Stylistyka IV. Opole, 1995. С. 86–102; *Она же*. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» / О. Б. Сиротинина // Лики языка. М., 1998. С. 348–353.

⁶ Федосюк М. Ю. Об основной тенденции развития стилей русской речи в XX веке / М. Ю. Федосюк // Речеведение. Великий Новгород, 2000. С. 29–30.

⁷ Кормилицына М. А. О некоторых активных приемах введения чужого слова в тексты современной прессы / М. А. Кормилицына // Русский язык на рубеже тысячелетий. СПб., 2001. С. 88–96.

⁸ Норман Б. Ю. Субъект говорения: автор и соавтор / Б. Ю. Норман // Русский язык на рубеже тысячелетий. СПб., 2001. С. 149.

⁹ Инфантова Г. Г. Современный речевой портрет лексики как бы / Г. Г. Инфантова // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. С. 46–55.

¹⁰ Норман Б. Ю. Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами / Б. Ю. Норман // Rusistik. 1998. № 1/2. С. 57–68.

¹¹ Костомаров В. Г. Наш язык в действии / В. Г. Костомаров. М., 2005. С. 190.

¹² Николаева Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. М., 2000. С. 130.